

Д. А. Карпук

«Конечная цель воспитания — дать Православной русской церкви подлинно-христианского пастыря, Родине — достойного сына-патриота и обществу — честного и культурного человека». Воспитательный процесс в Ленинградских духовных школах в 1940-х годах

Дмитрий Андреевич Карпук^{a, b}

^a Санкт-Петербургская духовная академия, Санкт-Петербург, Россия, dimand3@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3054-387X>

^b Псково-Печерская духовная семинария, Печоры, Россия

АННОТАЦИЯ: В статье на основании архивных материалов рассматривается воспитательный процесс в Ленинградских духовных академии и семинарии в 1940-х гг. Первым инспектором после возрождения духовных школ в Ленинграде был прот. Александр Осипов. Ему при активном участии митрополита Ленинградского Григория (Чукова), председателя Учебного комитета при Священном синоде, необходимо было решать те воспитательные задачи и проблемы, которые имели место еще в дореволюционной духовной школе. В статье рассматриваются первые инструкции для учащихся, принятые в 1946–1947 годах. На основании архивных источников демонстрируются те проблемы, с которыми столкнулась администрация уже в первые годы деятельности. Жизнь показала, что поступавшие в духовные школы студенты имели различный жизненный опыт, в результате

© Карпук Д. А., 2024

чего в повседневной жизни происходили, в том числе, и конфликтные ситуации. В 1949–1950 учебном году было составлено «Положение о воспитательной работе» — документ, в котором были прописаны основные принципы воспитательной работы в духовной школе. Из текста Положения следует, что главным инструментом воспитания в духовных школах должна стать деятельность классных наставников. Наставники должны были как можно чаще проводить с воспитанниками духовно-нравственные беседы, вникать во внутренний мир учащихся, увещевать и наставлять в сложных жизненных ситуациях. Из архивных материалов также видно, что ключевое место в деле воспитания отводилось проведению общих лекций, бесед, организации разного рода экскурсий, поездок, концертов для повышения культурно-образовательного уровня учащихся. Центральное место в деле воспитания занимало участие студентов в богослужебной жизни духовной школы. Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод, что члены профессорско-преподавательской корпорации делали все возможное, чтобы, учтя ошибки дореволюционной духовно-образовательной системы, улучшить систему воспитания в Ленинградских духовных школах уже в первые послевоенные годы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ленинградская духовная академия, Ленинградская духовная семинария, духовные школы, воспитание, инспекция, классный наставник, митрополит Григорий (Чуков)

для цитирования: Карпук Д. А. «Конечная цель воспитания — дать Православной русской церкви подлинно-христианского пастыря, Родине — достойного сына-патриота и обществу — честного и культурного человека». Воспитательный процесс в Ленинградских духовных школах в 1940-х годах // Вестник Свято-Филаретовского института. 2024. Т. 16. Вып. 1 (№ 49). С. 107–131. https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_107.

D. A. Karpuk

“The ultimate goal of education is to give the Orthodox Russian Church a truly Christian pastor, a worthy patriot son to the Motherland, and an honest and cultured person to society”. Educational process in Leningrad theological schools in the 1940^s

Dmitry A. Karpuk^{a,b}

^a St. Petersburg Theological Academy, Saint Petersburg, Russia, dimand3@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3054-387X>

^b Pskov-Pechory Theological Seminary, Pechory, Russia

ABSTRACT: Based on archival materials, the article examines the educational process in Leningrad theological academy and seminary in the 1940^s. The first inspector after the revival of theological schools in Leningrad was Archpriest Alexander Osipov. It was he who, with the active participation of Metropolitan Grigory (Chukov) of Leningrad, Chairman of the Educational Committee at the Holy Synod, had to solve those educational tasks and problems that took place in the pre-revolutionary theological school. The article discusses the first instructions for students adopted in 1946–1947. Based on archival sources, the problems that the administration faced in the first years of its activity are demonstrated. Life has shown that students who entered theological schools had different life experiences. As a result, conflict situations also occurred in everyday life. In the 1949–1950 academic year, the “Regulations on Educational Work” was drawn up, a document in which the basic principles of educational work in the theological school were spelled out. It follows from the text of the Regulation that the main instrument of education in theological schools should be the activity of classroom teachers. Mentors had to conduct spiritual and moral conversations with pupils as often as possible, delve into the inner world of students, exhort and instruct in difficult life situations. Archival materials also show that the key place in the education was given to general lectures, conversations, organization of various kinds of excursions, trips, concerts to improve the cultural and educational level of students. The central place in the education was occupied by the participation of students in the liturgical life of the theological school. The materials reviewed allow us to conclude that the members of the teaching corporation did everything possible to improve the system of education in Leningrad theological schools in the very first post-war years taking into account the mistakes of the pre-revolutionary spiritual and educational system

KEYWORDS: Leningrad Theological Academy, Leningrad Theological Seminary, theological schools, education, inspection, class teacher, Metropolitan Grigory (Chukov)

FOR CITATION: Karpuk D. A. (2024). “The ultimate goal of education is to give the Orthodox Russian Church a truly Christian pastor, a worthy patriot son to the Motherland, and an honest and cultured person to society’. Educational process in Leningrad theological schools in the 1940^s”. *The Quarterly Journal of St. Philaret’s Institute*, v. 16, iss. 1, n. 49, pp. 107–131. https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_107.

Воспитательный процесс в духовных школах Русской православной церкви всегда являлся одним из наиболее острых и обсуждаемых вопросов. Данной проблеме еще в синодальный период посвящались не только отдельные статьи, но и целые монографии. В любом исследовании, посвященном истории той или иной духовной семинарии, обязательно имеется раздел об инспекции и воспитании. Особенно много внимания этому насущному вопросу было уделено в «Отзывах епархиальных архиереев», а также в работе Предсоборного присутствия 1906 г. Едва ли не главной проблемой называлась двузадачность, т. е. стремление совместить в одном учебном заведении духовную и общеобразовательную школы. Именно двузадачность приводила к следующим печальным последствиям:

Несоответствие программы возрастным особенностям учащихся, схоластический характер изложения материала преподавателем и учебными пособиями, отвлеченность духовного образования от запросов современности, ограниченность преподавателя содержанием учебных программ и отсутствие у него возможности повлиять на учебно-воспитательный процесс, материальная необеспеченность педагогов, отсутствие доступа в светские учебные заведения для нежелающих быть священнослужителями [Пашков, 27–28].

Также прямым следствием двузадачности стала полицейско-карательная система воспитания, которая, в свою очередь, породила формализм, лицемерие, индифферентизм, инфантилизм и т. п. [Пашков, 28].

В таком контексте интересно посмотреть, как «болезни» воспитательного процесса пытались преодолеть в возрожденных в послевоенное время духовных школах. Председателем Учебного комитета в апреле 1946 г. был назначен митрополит Ленинградский Григорий (Чуков), в прошлом ректор Петрозаводской духовной семинарии, Петроградского богословского института и, наконец, Высших богословских курсов [Александрова-Чукова, 593–595]. Владыка Григорий прекрасно ориентировался в духовно-образовательной проблематике и не понаслышке знал о проблемах духовных школ.

В данной статье на примере Ленинградских духовных академии и семинарии предполагается рассмотреть первые шаги наставников академии, направленные на развитие системы воспитания в возрожденных в 1945–1946 гг. духовных школах. Это тем более интересно, если учесть тот факт, что многие преподаватели

окончили еще дореволюционные семинарии и академии и хорошо знали их положительные и отрицательные стороны. Конечно, не все члены профессорско-преподавательской корпорации принимали непосредственное участие в воспитательном процессе, но, будучи членами совета академии, могли влиять и влияли на те или иные ключевые решения, принимавшиеся в отношении нравственно-воспитательного процесса.

Автор не претендует на исчерпывающее изложение заявленной темы и анализ такого сложного вопроса, каковым всегда являлся воспитательный процесс в духовных школах. В дальнейшем отдельное внимание необходимо будет уделить сравнительному анализу особенностей воспитательного процесса в дореволюционной духовной школе и духовных учебных заведениях советского времени. Это тем более интересно, что между духовными школами этих периодов имеется принципиальная разница. Так, в Российской империи духовная семинария была школой сословной, т. е. предназначенной для выходцев из духовного сословия; в ней получали среднее образование дети священно- и церковнослужителей. После возрождения духовных школ в 1945–1946 гг. духовное образование в семинариях могли получать все желающие, имевшие за плечами не только среднее, но иногда даже и высшее светское образование. Это не могло не вносить свою специфику в воспитательный процесс. Другими словами, в советский период формируется несколько иная модель духовного образования. Ситуация осложняется еще и тем, что для максимально объективного понимания положения дел воспитательный процесс в семинариях и академиях [Карпук, 74–75] надо обязательно рассматривать отдельно. Сравнение дореволюционной и советской моделей заслуживает отдельного специального исследования, но только тогда, когда в научный оборот будет введено гораздо больше данных о повседневной жизни учащихся духовных школ советского периода. В виду скудости фактологического материала подобного рода в настоящее время анализ однозначно будет однобоким и поверхностным.

После возрождения в 1945–1946 гг. Ленинградские духовные школы разместились в здании бывшей Санкт-Петербургской духовной семинарии на набережной Обводного канала, д. 19 (в настоящее время д. 17). Это здание, по словам одного из современных исследователей, «для государства на тот момент... не представляло большой ценности, поскольку немецкие артиллерийские обстрелы и бомбардировки в период блокады (тогда там

находился военный госпиталь-распределитель) превратили его восточную (правую) часть в руины» [Шкаровский, 376]. В итоге, администрации приходилось очень много внимания и сил тратить на решение сложных хозяйственно-восстановительных задач.

После открытия Ленинградских духовных школ в 1946 г. инспектором академии был назначен прот. Александр Осипов [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 22], помощником инспектора по семинарии — доцент Дмитрий Дмитриевич Вознесенский [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 5]. После увольнения прот. Иоанна Богоявленского от должности ректора в июне 1947 г. в связи с монашеским постригом и назначением на вдовствующую Таллинскую кафедру эту должность вплоть до апреля 1948 г. временно исполнял прот. Александр Осипов — предположительно с 1944 г. секретный осведомитель государственных служб безопасности СССР [Фирсов, 73], в 1959 г. отрекшийся от веры и тогда же постановлением Священного синода извергнутый из священного сана [Профессора, 96]. Обязанности же инспектора в 1947–1948 гг. временно были возложены на прот. Владимира Благовещенского [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 7]. В 1947 г. помощником инспектора был назначен Ф. А. Дерюгин, принявший в декабре монашество с именем Феогност и рукоположенный в сан иеромонаха [Профессора, 131]. На этой должности о. Феогност пробыл до конца 1948 г., после чего последовал его перевод на должность ректора Саратовской духовной семинарии [Профессора, 131]. После о. Феогноста на должность помощника инспектора был назначен доцент А. А. Угрянский [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 5]. В 1948–1949 учебном году были введены должности воспитателей, на которые были назначены доценты Г. П. Миролюбов и И. И. Зеленецкий [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 5]. С начала 2-й четверти того же учебного года митр. Григорий освободил от обязанностей помощника инспектора А. А. Угрянского, согласно его собственному прошению, и возложил эти обязанности на доцента прот. Иоанна Козлова. Тогда же, кроме должностей двух воспитателей педагогов, были учреждены две должности дежурных воспитателей, на каковые Совет пригласил, а митрополит утвердил студентов старших курсов П. П. Игнатова и С. Т. Плотникова [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 9]. Наконец, 15 августа 1950 г. на должность инспектора был назначен Лев Николаевич Парийский, занимавший эту должность вплоть до 10 августа 1967 г. [Профессора, 99].

Что касается нормативных документов, которыми руководствовались члены инспекции и студенты, то прот. Александром Осиповым к середине октября 1946 г. были подготовлены правила поведения для воспитанников духовной семинарии: «Инструкция слушателям Ленинградской Православной Духовной Семинарии». 18 октября с этими правилами ознакомился митр. Григорий, который поставил следующую резолюцию: «18 октября Правлению Семинарии: Проект можно одобрить. М. Григорий» [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 47]. Совет академии рассмотрел инструкцию на своем заседании 24 октября и принял следующее решение: «Считать инструкцию утвержденной и незамедлительно ввести в жизнь» [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 47].

Небольшая по объему инструкция включала 16 пунктов, в которых кратко приводились основные положения, касающиеся дисциплины и правил поведения учащихся семинарии. Первый пункт был общим. В нем декларировалось, что студент духовной школы должен являть собой пример и образец для окружающих: «Слушатели Духовной Семинарии должны являть собою пример образцового поведения, где бы они ни находились, памятуя, что они готовятся к великому делу пастырского служения в Церкви Христовой и нравственного воспитания своих будущих пасомых» [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 51].

Следующие два пункта касались участия слушателей в богослужении. Учащиеся обязывались аккуратно посещать установленные церковные богослужения, утренние и вечерние молитвы. При этом во время богослужений в академической церкви слушатели должны были занимать свои определенные места. Молиться необходимо было истово и благоговейно. Кроме того, предполагалось, что учащиеся будут участвовать в чтении и пении за богослужениями.

Четвертый пункт касался взаимоотношений учащихся с администрацией. Здесь вполне ожидаемо прописывалось, что все распоряжения ректора, инспектора, а также наставников семинарии по различным вопросам учебно-воспитательной жизни подлежали обязательному исполнению.

Пункты с 5-го по 7-й регламентировали поведение учащихся на лекционных занятиях. В 5-м пункте говорилось о необходимости посещать все занятия, пропуски не допускались. При этом автор инструкции тщательно прописал обязательства, которые иногда могут показаться само собой разумеющимися: «На уроках

слушатели семинарии должны быть аккуратны и внимательны, добросовестно и усердно слушать преподавателя, записывать содержание лекций. На вечерних занятиях тщательно готовиться к урокам по записям, или по данным пособиям, выполняя всякие задания и работы» [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 51]. В 6-м пункте говорилось, что перед началом занятий и после окончания последнего урока класс должен был петь молитву. Во все остальное время, перед каждым уроком и после его окончания, молитва читалась.

Седьмой пункт для человека, имеющего за плечами уже как минимум семь классов общеобразовательной школы, также должен был казаться излишним. В нем говорилось, что при входе преподавателя в класс слушатели должны были вставать и приветствовать его поклоном. Точно так же во время посещения уроков старшими и посторонними лицами учащиеся должны были встать и поздороваться с ними. Можно только предположить, что первоначальный контингент учащихся был таким, что требовалось прописывать и такого рода правила этикета. Примечательно, что после начала урока вход в класс воспрещался.

Восьмой пункт касался поведения в трапезной. Он был довольно кратким и предписывал учащимся занимать свое постоянное место и соблюдать тишину.

Девятый пункт регламентировал, опять же довольно кратко, взаимоотношения учащихся. Согласно инструкции предполагалось, что слушатели в общении друг с другом и вообще с другими лицами будут «деликатны, вежливы, корректны, особо внимательны и предупредительны» [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 52].

Наибольший интерес в определенном смысле представлял собой 10-й пункт с предписанием запретов, включавший восемь подпунктов. Так, в 1-м подпункте прописывался запрет на принятие в общежитие и распитие спиртных напитков. Дальше следовал запрет на появление в духовной школе в нетрезвом виде; нельзя было неприлично выражаться и вообще проявлять оскорбительное отношение к товарищам. Вполне ожидаемо запрещались азартные игры, в том числе в карты. Пятый подпункт носил общий характер и предписывал не нарушать тишину и спокойствие. Нельзя было портить, а также красть и продавать принадлежащие семинарии имущество и инвентарь — указание, которое, видимо, было актуально в послевоенное время. Запрещалось приводить в семинарию посторонних лиц. И, наконец, 8-м под-

пунктом запрещалось «укрывательство неблаговидных поступков и подстрекательство товарищей к нарушению дисциплины» [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 52].

Одиннадцатый пункт касался правил личной гигиены, а также порядка в общежитии и классных комнатах. Отдельно прописывалось, что в помещениях семинарии необходимо снимать головные уборы и пальто, верхнюю одежду и личные вещи надо было сдавать швейцару и в гардеробную на хранение. Двенадцатый пункт предписывал незамедлительно сообщать о заболеваниях администрации и врачу для оказания помощи.

Следующие три пункта — с 13-го по 15-й — касались досуга и выходных. Предполагалось, что в воскресные и праздничные дни, а также в часы досуга и отдыха слушатели семинарии будут проводить время в чтении, в благопристойных беседах с товарищами. С ведома администрации разрешалось посещать публичные лекции, библиотеки, музеи, выставки, кино и театры.

При этом выход в город на начальном этапе регламентировался довольно строго. Этому вопросу был посвящен 15-й пункт: «Слушатели Семинарии в часы, свободные от занятий, могут быть увольняемы в город по тем или иным надобностям, но не иначе, как с разрешения о. Инспектора или его помощника» [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 53].

Наконец, последний 16-й пункт в общих выражениях предписывал слушателей, виновных в нарушении правил инструкции, подвергать следующим наказаниям: замечанию, выговору с предупреждением и в особых случаях — увольнению из семинарии.

Предложенная инструкция была скорее рабочим проектом, в дальнейшем в нее предполагалось вносить правки и коррективы в зависимости от того, как будет проходить учебный и воспитательный процесс. Так, например, на заседании Совета академии 23 января 1947 г. инспектор сообщил о распоряжении митрополита о том, что студенты академии, зачисленные на стипендии, обязаны посещать лекции. В итоге Совет постановил вести учет посещаемости лекций студентами академии, получающими стипендии [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

В августе 1947 г., накануне нового учебного года, инспектор прот. Александр Осипов обратил внимание на то, что дисциплина должна быть строго соблюдаема. В прошлом же учебном году, по его словам, иногда учащиеся уходили из стен академии и возвращались, когда им заблагорассудится. Некоторые в ночное вре-

мя включали радио и даже сами пели. Особое внимание, по его справедливому замечанию, должно быть уделено студентам старшего возраста, так как именно их поведение зачастую служило отрицательным примером и соблазном для младших по возрасту учащихся [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 74].

27 июня 1947 г. на заседании Совета академии было заслушано предложение митр. Григория, из которого следовало, что владыка наметил назначить для академии и семинарии специального духовника, который помимо обязанностей духовника должен был совершать богослужение в академии три дня в неделю. Остальные три дня предполагалось распределить между ректором, инспектором и другими священнослужителями из числа преподавателей и учащихся. В праздники и воскресные дни служение было соборным. В качестве кандидата на должность духовника владыка наметил протоиерея И. Цветаева. Данное решение Советом академии было принято к сведению [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–16], но из архивных материалов за последующие несколько лет не видно, что его удалось реализовать.

В 1947–1948 учебном году была принята новая инструкция, включавшая уже 20 пунктов. В ней была представлена определенная детализация некоторых положений, тезисно изложенных в первоначальной редакции.

Так, во 2-м пункте, посвященном посещению богослужений, отдельно оговаривалось, что наблюдение за посещением обязательных богослужений возлагается на инспектора и его помощника. Учащиеся в храме должны занимать свои места, причем стоять необходимо было рядами и в алфавитном порядке. Поведению в трапезной был отведен теперь не один, а три пункта, что было вызвано, совершенно очевидно, фактами повседневной жизни, имевшими место в течение первого учебного года. Теперь отдельно прописывалось, что перед началом и окончанием приема пищи поется молитва. Кроме того, категорически запрещалось выносить из столовой посуду.

Довольно строгим был пункт в отношении правил пользования спальнями, т. е. комнатами в общежитии. В 12-м пункте прописывалось, что спальни должны быть закрыты в течение дня. Открывать разрешалось на время обеденного перерыва, после окончания занятий в 14.40 вплоть до 19.30, когда начиналась самоподготовка, и после 22.30. В этом же пункте указывалось, кто должен был отвечать за этот распорядок: «По этажу общежития завести дежурную уборщицу, которая должна следить за установ-

ленным порядком пользования спальней. У нее находятся ключи от спален» [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 79]. В остальном пункты практически полностью совпадали с первой редакцией инструкции.

Как уже было сказано, повседневная жизнь и те проблемы, с которыми сталкивались как студенты, так и преподаватели, не могли не вносить определенные коррективы в распорядок дня. Менялись в сторону уточнения и большей детализации дисциплинарные правила. Конечно, можно предположить, что если не у всех, то у некоторых членов корпорации могло возникнуть ожидание, что пришедшие в духовную школу в условиях тогдашнего богоборческого государства слушатели сделали свой выбор осознанно и должны были вести себя соответствующим студенту духовной школы образом. Отчасти это действительно было так. Однако все же, как показывают протоколы журналов заседаний Совета, студенты были разными и периодически происходили неприятные и даже конфликтные истории.

Так, уже в течение первого учебного года имела место довольно скандальная и в определенном смысле показательная история. Ректор духовных школ прот. Иоанн Богоявленский 13 марта 1947 г. посетил в первом классе семинарии урок по литургике доцента Н. Д. Успенского, одного из самых строгих наставников Ленинградских духовных школ [Документы, 114, 116–117, 145].

Во время урока о. Иоанн вызвал учащегося А. Я. Козлова, который в классном журнале был аттестован баллом «1». На вопрос ректора, почему он получил такой балл, Козлов ответил, что не успел подготовиться к ответу, так как ему надо было готовиться к сдаче сочинения и сдавать зачет по Ветхому завету. На замечание ректора, что неудовлетворительный балл был получен еще 6 марта, Козлов в повышенном тоне ответил, что сам знает, что и когда ему отвечать. Вполне ожидаемо о. Иоанн заметил, что учащийся не должен в таком тоне разговаривать с ректором. Однако после этого студент в еще более повышенном тоне стал говорить, что его нельзя заставлять делать то, что он не может, так как ему уже 42 года. Дальнейшее было изложено в докладной записке ректора: «Не будучи в состоянии его перекричать, да и не находя этого нужным, хлопнул ладонью по столу, сказав, что я прошу его перестать говорить со мной таким тоном. В ответ на это он сказал: „Что же, Вы, быть может, хотите кулаком со мною драться?“» [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 144].

После такой возмутительной выходки в присутствии всего класса и преподавателя о. Иоанн встал и собрался покинуть аудиторию. Однако учащиеся вместе с Н. Д. Успенским просили ректора остаться. Отец Иоанн остался. После окончания занятия к нему подошел один из старших по возрасту в классе учащихся Сергей Малофеев, поклонился ректору в ноги и просил их простить за эту выходку. Сам же Козлов прощения так и не попросил. Более того, после ухода из аудитории Н. Д. Успенского и ректора он публично упрекнул Малофеева за извинение, сказав, что последний тем самым хотел заработать себе сан дьякона. Что же касается реакции самого Николая Дмитриевича Успенского на произошедший инцидент, то из материалов рассматриваемого архивного дела об этом ничего неизвестно.

Разумеется, это дело не могло быть спущено на тормозах. По мере изучения вопроса о поведении А. Я. Козлова стало известно, что этот студент в течение учебного года уже пять раз допускал непростительные выходки, оскорбив не только ректора, но и инспектора, а также доцента Д. Д. Вознесенского, делопроизводителя Е. И. Иванову и помощника библиотекаря М. С. Колоскову. Ни разу он не проявил раскаяния в своих поступках и не извинился. Успехов в учебе он также не демонстрировал [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 139].

На заседании Совета 17 марта было рассмотрено данное дело. Итоговое решение было вполне ожидаемым:

В виду того, что ученик первого класса А. Я. Козлов позволил себе публичную, дерзкую, недопустимую в стенах духовного учебного заведения выходку по отношению к о. Ректору в момент выполнения последним служебных обязанностей, и поскольку Козлов уже неоднократно нарушал правила дисциплины и уважения к наставникам и преподавателям, и неоднократные же увещания и замечания ему не возымели на него исправительного действия — исключить его из числа учащихся Ленинградской духовной семинарии [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 145].

К сожалению, этот случай не был единственным. На заседании Совета академии 7 декабря 1946 г. инспектор сообщил, что ученик 3-го класса семинарии Д. И. Пузыня был арестован милицией по уголовному делу. В чем именно состояло дело на страницах журналов заседаний Совета не сказано, но учащийся на том же заседании был исключен из числа воспитанников духовной семинарии [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 68].

Конечно, подобного рода ситуации для духовной школы были экстраординарными. Чаще всего инспекции приходилось иметь дело с более заурядными проступками, как-то: пропуски занятий, опоздания на богослужения и т. п. Наиболее серьезной проблемой для возрожденных духовных школ стала плохая успеваемость учащихся [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 93–94]. Складывалось такое впечатление, что среднего уровня требования, предъявлявшиеся студентам, были для них непосильными. Как итог, по окончании первого года обучения довольно большое количество учащихся оказалось в числе должников. Корпорация не единожды обсуждала этот вопрос. Если в одних случаях при этом проявлялась принципиальность, то в других администрация вынуждена была идти на уступки.

23 июня 1948 г. по представлению ректора епископа Лужского Симеона (Бычкова) был рассмотрен вопрос о том, при каких условиях можно разрешить студентам духовной академии пересдавать экзамен, сданный на удовлетворительную оценку. Было принято решение, что можно пересдавать в том случае, если балл был получен только на одном экзамене. Против этого и без того довольно строгого правила выступил доцент Н. Д. Успенский, который считал, что такое разрешение лишь ослабит мотивацию студента в его учебной работе. Николай Дмитриевич подчеркнул, что из педагогической практики известно, что иногда некоторым учащимся не даются некоторые предметы, как, например, пение или языки. В связи с этим, по мнению Успенского, предоставление возможности пересдачи экзаменов может привести к искусственному повышению оценки [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 41]. Впоследствии Н. Д. Успенский, опираясь на личный опыт и учебный план, особым образом охарактеризовал способности учащихся духовных школ в послевоенный период. Свое суждение он высказал во время защиты в 1960 г. в Ленинградской духовной академии протоиереем Константином Ружицким диссертации, представленной на соискание ученой степени магистра богословия «Конспект по Нравственному Богословию для 4-го класса Духовной Семинарии (по принятой программе)». Николай Дмитриевич, будучи официальным оппонентом, в своем отзыве отметил, что современные студенты, при отсутствии в учебном плане предметов логики, психологии и философии, менее подготовлены к усвоению нравственного богословия, чем их сверстники в дореволюционный период. Поэтому имелась острая необходимость в переработке дореволюционных учебников в сторону упрощения

[Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 95]. Это касалось не только нравственного богословия, но и целого ряда других дисциплин.

Вне всякого сомнения, первые два года были в своем роде экспериментальными, что признавалось и администрацией духовной школы. В годовом отчете за 1947–1948 учебный год подчеркивалось, что

первоначальный учебный план академии и семинарии нуждался в ряде улучшений и поправок как в части загруженности отдельных классов, в порядке распределения учебных предметов, использования отведенного для того или другого предмета количества часов, так и со стороны целесообразности преподавания тех или других предметов в том или ином классе или курсе [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 58].

Действительно, в дальнейшем учебный план еще неоднократно менялся под влиянием как местных условий и особенностей, так и распоряжений со стороны Учебного комитета при Священном синоде. Но менялся не только учебный план, уточнялись и правила поведения, все больше внимания уделялось воспитанию и культурному развитию воспитанников.

В 1949–1950 учебном году было разработано «Положение о воспитательной работе в Ленинградских Духовных Академии и Семинарии». Этот обстоятельный документ представляется важным историческим источником, отражающим опыт, накопленный к этому времени как членами преподавательской корпорации, так и митр. Григорием (Чуковым). Документ этот касался не столько студентов, сколько наставников и лиц, связанных с инспекторской службой. Данное Положение только упоминается, без какого бы то ни было анализа и даже пересказа основных пунктов, одним из современных исследователей [Шкаровский, 446].

Итак, в Положении, во-первых, подчеркивалось, что в деле подготовки будущих пастырей Православной церкви наряду с богословским образованием громадное значение имеет воспитание. Авторы документа отмечали, что воспитание личности христианского пастыря является сложным психологическо-этическим процессом. Главной составляющей этого процесса является постоянная работа воспитателя, заключающаяся в тесном общении с воспитанниками. Вполне справедливо в Положении говорилось о своего рода духовном наставничестве, при этом, правда, с определенными декларативными вставками, обязательными для советского периода:

Воспитатель должен быть постоянно в курсе духовных запросов и морально-го состояния последних, всячески и всегда содействуя духовному росту личности своих воспитанников, имея конечной целью своей деятельности дать православной русской Церкви подлинно-христианского пастыря, Родине — достойного сына-патриота и обществу — честного и культурного человека [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 57].

Далее составители Положения заявляли, что первым условием успеха воспитания является нравственный авторитет воспитателя, который должен был являть собой живой пример того, что он желает видеть и воспитать в своих учениках. Только в таком случае наставник мог надеяться, что он будет пользоваться у своих учеников доверием и расположением к себе:

Это доверие и расположение к себе воспитатель приобретет тогда, когда ученики увидят, что он сердечно и искренно входит в интересы каждого из них. Беседы воспитателя и в этом отношении являются важным средством создать это доверие и расположение к себе учеников, ознакомляясь и входя в интересы каждого из них [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 57].

Следующий пункт являлся одним из наиболее существенных. Именно он вызывал много критики в дореволюционный период, когда воспитание зачастую сводилось к внешнему надзору, больше, к сожалению, ожесточая молодые неокрепшие души воспитанников духовных школ. В Положении по этому поводу говорилось довольно четко и определенно:

Нельзя смотреть на учеников только как на предмет внешнего надзора и воздействия, не считаясь с их внутренним духовным миром, склонностями, запросами, стремлениями. Это значило бы отказаться от дела воспитания. Если воспитатель хочет быть действительным руководителем молодой души, он должен внимательно изучить все стороны личности своего воспитанника. Семейные влияния и условия, характер, способности и склонности каждого питомца должны быть ему хорошо известны [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 57].

Разумеется, реализовать на практике это требование было довольно сложно. Составители Положения прописывали, что наиболее эффективным способом достижения такого состояния должно было быть общение воспитателя с учениками. Общие, а также доверительные беседы должны были проходить как можно чаще.

Именно из этих ключевых положений, связанных с деятельностью наставников, и вытекало несколько пунктов, которые должны были помочь если не реализовать этот идеал на практике, то максимально, насколько это вообще возможно, к нему приблизиться. Разумеется, при их составлении не удалось избежать определенного формализма. Тем не менее, целый ряд пунктов был и остается актуальным вплоть до настоящего времени.

Всего документ включал 14 пунктов. Первые три были посвящены необходимости введения во всех четырех классах семинарии воспитательского часа, во время которого классный наставник должен был выяснять религиозные и нравственные запросы учащихся, мог давать советы, увещевать и проводить беседы воспитательного характера. В Положении подчеркивалось, что наиболее действенным средством должны быть беседы, посвященные литературе и явлениям общественной жизни:

Беседы с учениками могут сослужить ему (классному наставнику — Д. К.) исключительную службу. На этих беседах он может руководить своих учеников в выборе чтения; может сам вести общие чтения или беседы с учениками по интересующим их вопросам, может знакомить своих питомцев с выдающимися явлениями жизни и литературы и с правильным освещением этих явлений, вопросы религии и морали, патриотизма и гражданского долга, наконец, требования общежития, нравственности, такта, приличия и т. п., все это может и должно служить предметом этих бесед воспитателя [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 58].

В Положении подчеркивалось, что темы, избираемые классным руководителем для бесед, должны быть интересны слушателям. Отдельно прописывалась необходимость свободы дискуссии, даже еще учащиеся будут высказывать ошибочные мнения или сомнения по тем или иным вопросам.

В 3-м пункте указывалось, что присутствие учащихся на воспитательском часе должно было быть обязательным. Более того, воспитательский час с указанием его содержания должен был фиксироваться в классном журнале.

В 4-м пункте говорилось о необходимости организации и проведения экскурсий в музеи, общих докладов и бесед в академии на религиозно-нравственные, патриотические, искусствоведческие и исторические темы. Подобного рода мероприятия должны были проводиться с ведома ректора академии.

Согласно 5-му пункту, классным наставникам рекомендовалось посещать своих воспитанников во время вечерних занятий. Также высказывались пожелания, чтобы во время богослужения в храме воспитатели стояли рядом со своими воспитанниками. В Положении говорилось также, где должны были находиться как наставники, так и представители инспекции за богослужением в храме: «Члены Инспекции и классные наставники в иерейском сане должны находиться за богослужением не в алтаре, а в храме при воспитанниках» [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 58].

Следующие пункты, с 6-го по 9-й, регламентировали формальную сторону дела. Так, классные наставники должны были еженедельно собираться на совместные заседания под председательством инспектора. Последний должен был докладывать ректору о результатах воспитательной работы по итогам каждой недели. Отчеты о воспитательной работе по итогам каждого месяца инспектор должен был сообщать Педагогическому совету академии. Отдельно указывалось, что еженедельные заседания классных наставников должны были протоколироваться с последующим представлением протоколов правящему архиерею — митрополиту Ленинградскому.

Учитывая тот факт, что классные наставники должны были общаться с воспитанниками довольно часто, могло возникнуть ощущение, что воспитатели должны были осуществлять своего рода надзор и контроль за учащимися. Однако в 10-м пункте воспитательные и инспекторские функции довольно четко разграничивались:

Классные наставники в своей воспитательской работе не выполняют функций инспекции: проверка присутствующих на вечерних занятиях, учет посещения учащимися общей молитвы и богослужения, ночная проверка, увольнение в город, освобождение от уроков по болезни и другим уважительным причинам, учет посещаемости классных занятий и проч. — это должно быть делом инспекции [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 59].

На инспекционную службу духовных школ возлагалась обязанность оказывать всяческое содействие классным наставникам в их воспитательной работе. Отдельно был прописан, в общем-то, стандартный перечень обязанностей помощников инспектора, согласно которому они должны были вести постоянный и точный учет посещаемости классных занятий, общих молитв и богослужений, проводить проверку учащихся на вечерних занятиях

и ночью в спальнях. Примечательно, что обо всех фактах нарушения распорядка и дисциплины учащимися, инспекция должна была ставить в известность в том числе и классных наставников, чтобы последние могли принять в отношении нарушителей дисциплины меры воспитательного характера.

В случаях безнравственного поведения учащихся, а именно кощунства, пьянства, воровства, разврата и т. п., а также в случае проявления учащимися упорного нежелания подчиняться установленному в духовной школе распорядку, Педагогический совет на очередном ежемесячном заседании должен был выносить решение об отчислении таковых воспитанников из состава учащихся.

Классные наставники за свою воспитательную работу, согласно данному Положению, должны были получать ежемесячно зарплату в размере 400 руб. в месяц. Для сравнения можно отметить, что согласно штатам Ленинградской духовной академии ректор при шести лекциях в неделю получал 5000 руб. в месяц, инспектор при таком же количестве лекций — 3500 руб., профессор при 12 лекциях — 4500 руб., доцент также при 12 лекциях — 3500 руб. При этом лекции сверх указанного числа оплачивались по 75 руб. за академический час [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 23]. Также известно, что электромонтер получал 500 руб. в месяц, водопроводчик — 600 руб., дворник — 400 руб., гардеробщица — 350 руб. [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 26]. Как кажется, оплата труда классного наставника, учитывая сколько времени он должен был проводить со своими воспитанниками, была низкой.

В последнем 14-м пункте говорилось, что ближайшими помощниками классных наставников в их воспитательной работе должны быть старосты, избираемые самими учащимися и являющиеся их представителями.

В отношении упомянутой в Положении культурной работы, можно отметить, что ей уделяли большое внимание практически сразу после возрождения духовных школ. Уже в конце первого учебного года, 26 июня 1947 г., доцент К.А. Сборовский предложил провести в следующем учебном году в целях повышения культурного уровня слушателей духовных школ, развития в них художественного вкуса и расширения кругозора цикл лекций, тематических концертов, экскурсий, киносеансов по вопросам истории русской культуры. Предложение Сборовского, рассмотренное на заседании Совета академии, было принято [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 13]. Было решено заранее составить соответствующий план этих занятий.

Справедливости ради можно отметить, что культурные мероприятия, направленные, как тогда было принято говорить, на «воспитание своих учащихся в духе подлинного советского патриотизма», проводились уже в течение 1946–1947 учебного года. Так, например, 7 ноября 1946 г., в день 29-летия Октябрьской революции, на средства академии был организован «культурный поход» студентов и преподавателей в Театр оперы и балета на постановку оперы «Иван Сусанин» [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 95]. Сам Сборовский 18 февраля 1947 г. прочитал всем учащимся духовной школы лекцию на тему «Пушкин и наши дни (в связи со 110-летней годовщиной смерти поэта)» [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 126]. В следующем 1947–1948 учебном году, действительно, экскурсий стало гораздо больше: 26 октября — в музей Оборона Ленинграда, 2 ноября — в Русский музей, 4 ноября — в музей им. Ленина и др. [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 90]. 16 ноября Сборовский выступил с лекцией «Грибоедовская Москва», после чего учащимся был продемонстрирован фильм «Москва — сердце России» [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 90]. 19 декабря докладчик из агитпункта выступил с лекцией «Достижения советской науки» [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 111]. Это только часть проведенных в течение учебного года мероприятий. В дальнейшем разного рода лекции и культурные мероприятия проводились не реже 2–3 раз в месяц [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 30; Д. 4. Л. 49; Д. 7. Л. 168].

Однако главным средством воспитания должно было и стало участие в богослужениях в домовая академическая церковь святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Уже в январе 1947 г. митр. Григорий направил в Совет академии резолюцию, отчасти раскрывающую, как складывалась богослужебная жизнь учащихся в первые месяцы учебы:

Пока не было собственного храма в Дух[овных] Академии и Семинарии, питомцы Дух[овной] школы (в прошлом Бог[ословско]-Пас[тырских] курсов) направлялись в храмы г. Ленинграда для практики в богослужебном чтении и «прислуживании» в алтаре.

С устройством собственного храма нужда в этом отпадает и все питомцы Дух[овных] Академии и Семинарии должны *обязательно* присутствовать в воскресные и праздничные дни только в своем Семинарском храме, участвуя в пении, чтении и прислуживании в алтаре по указанию о. Ректора.

За этим строго должны наблюдать Инспектор Академии и его Помощник.

В отношении церковного пения Преподаватель должен позаботиться, чтобы:

- 1) смешанный хор в конце концов был замещен исключительно студентами,
- 2) чтобы будничное богослужение было обеспечено достаточными голосами [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 113, 116].

После этого распоряжения правящего архиерея в духовных школах были введены довольно строгие требования к учащимся, которые теперь, все без исключения, обязаны были присутствовать на богослужениях. Конечно, это не могло не привести к определенным неудобствам и, как следствие, конфликтным ситуациям. Так, студент академии Евгений Морозов в марте 1947 г. обратился в Совет академии с просьбой разрешить ему некоторое послабление в деле посещения академических богослужений. Мотивировка была следующей:

В течение известного времени я пытался ответственно перестроить жизнь семьи. Я без единого пропуска был в акад[емическом] храме у обедни, привозя с собой свободных от школы и детсада детей (11, 9 и 6 лет). В субботу же, как показала практика, это — невозможно. Поездка *только в одну сторону* занимает час времени. Всегда не менее одной пересадки. Транспорт в это время крайне загружен. Долгое выжидание на остановках приводит к простуде детей и к большим запозданиям на богослужение. Наконец поздний возврат домой, после таких поездок (буквально — в другой конец города) и стояния в храме, крайне утомляет детей.

Невозможно и оставление их, одних, для посещения местного храма, ввиду их возраста. Жена же и в субботу, как обычно, возвращается с работы в 9–11 часов вечера.

В связи с последним обстоятельством, как показал уже опыт, недельное отсутствие мое в будни для очередного участия в каждодневном богослужении привело к неприятным последствиям беспризорности еще малых детей... [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 153].

Морозов просил сделать для него некоторые послабления, в частности, разрешить посещать богослужения накануне воскресных и праздничных дней в своем приходском храме св. Владимира. Совет академии вынужден был пойти на уступки Морозову и еще нескольким студентам и, тем самым, отказаться от категоричности принятого решения [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 146]. В определенной степени это было не только оправдан-

ным, но и единственно верным решением. Примечательно, что Морозов же по итогам обучения на первом курсе проявил себя не только ответственным студентом, но и показал хорошие успехи, за что Советом академии было принято решение поощрить его книгой [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 224].

В дальнейшем администрация духовных школ большое внимание уделяла богослужебной практике студентов. Так, например, уже по итогам первого 1946–1947 учебного года было принято предложение Н. Д. Успенского со следующего 1947–1948 учебного года ввести практику церковных богослужений для учащихся с выставлением зачетов [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 199]. Кроме того, в августе 1947 г. было решено увеличить утреннюю молитву на 5 минут, за счет введения дневного Евангелия с кратким объяснением отрывка в виде проповеди-беседы. Составлялись специальные инструкции и правила поведения в храме во время богослужений, вносились дополнения и уточнения. Однако эта довольно интересная и объемная тема требует отдельного внимания и изучения [Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 74].

Подводя итог, следует отметить, что члены профессорско-преподавательской корпорации Ленинградских духовных школ довольно ответственно подходили к делу воспитания учащихся в первые годы после возрождения академии. На начальном этапе соответствующие нормативные документы во многом отражали внешнюю сторону дела, регламентируя правила поведения студентов. Принятое в 1949–1950 учебном году «Положение о воспитательной работе» отражало вдумчивый подход к воспитательному процессу и стало своеобразным ответом на те вызовы и трудности, с которыми столкнулись не только члены инспекционной службы, но и вообще наставники и даже сотрудники духовной школы.

Главное внимание в Положении, вполне оправданно, было уделено деятельности классных наставников. Хотя, надо признать, некоторые требования носили во многом утопичный характер. Например, так выглядит пожелание наставнику посещать учащихся во время вечерних занятий, а также молиться вместе с ними за богослужениями в храме, а не самому совершать или участвовать в богослужении. Подобного рода участие в жизни воспитанников могло носить разовый или эпизодический характер, но вряд ли можно было рассчитывать на некую регулярность в тех случаях, когда классными наставниками были лица в священном сане. Совместную молитву можно было бы ожидать в тех случа-

ях, когда наставником являлся преподаватель-мирянин. С другой стороны, возникает вопрос, может ли преподаватель-мирянин должным образом воспитать и подготовить учащихся к будущему именно священническому служению.

Немаловажным являлся вопрос оплаты труда. Как видно из рассмотренных материалов, оплата педагогического труда классного наставника оценивалась на одном уровне с трудом дворника. Разумеется, в случае с преподавателями была доплата к той заработной плате, которую получали наставники академии. Отметим, что выполнение требований Положения с должной ответственностью и в полном объеме потребовало бы очень много времени и сил, и, в результате, оставалось бы меньше времени на подготовку к лекционным занятиям и научные труды, осуществление которых в первые послевоенные годы не только поощрялось, но и настоятельно требовалось.

Первые послевоенные годы показали, что контингент учащихся был довольно разнообразным. Кто-то поступал в семинарию практически сразу после школы, а некоторые абитуриенты имели за плечами большой и далеко не всегда положительный жизненный опыт. Это обстоятельство также отражалось в повседневной жизни и на воспитательном процессе. Существенные коррективы в области дисциплинарного контроля происходили в связи со все возрастающим количеством учащихся. В наибольшей степени это проявится уже в 1950-х гг., когда инспектором стал один из авторитетных наставников академии того периода — Лев Николаевич Парийский. Вне всякого сомнения, всестороннее изучение воспитательного процесса в Ленинградских духовных школах в 1950–1960-х годах позволит сказать, насколько правильными и своевременными были меры, инструкции и правила, принятые митр. Григорием (Чуковым) и членами академической корпорации во второй половине 1940-х годов.

Источники

1. *Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1* = Журналы заседаний Совета Ленинградских духовных академии и семинарии за 1946–1947 учебный год // Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
2. *Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2* = Журналы заседаний Совета Ленинградских духовных академии и семинарии за 1947–1948 учебный год // Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.
3. *Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21* = Журналы заседаний Совета Ленинградских духовных академии и семинарии за 1959–1960 учебный год // Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21.
4. *Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1* = Годовой отчет по Ленинградских Духовных Академии и Семинарии за 1946–1947 учебный год // Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1.
5. *Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2* = Годовой отчет по Ленинградских Духовных Академии и Семинарии за 1947–1948 учебный год // Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2.
6. *Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3* = Годовой отчет по Ленинградских Духовных Академии и Семинарии за 1948–1949 учебный год // Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3.
7. *Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4* = Ленинградская духовная академия и семинария. Годовой отчет за 1949–1950 учебный год // Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.
8. *Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5* = Ленинградская духовная академия и семинария. Годовой отчет за 1950–1951 учебный год // Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5.
9. *Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7* = Ленинградская духовная академия и семинария. Годовой отчет за 1952–1953 учебный год // Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7.
10. *Документы* = «В современных учебных заведениях им зажжена лампада знания перед алтарем вечной истины»: Документы по истории развития богословской науки в Ленинградской Духовной Академии в первые годы ее существования / Вступ. статья, публ. и примеч. Д. А. Карпука // Христианское чтение. 2016. № 4. С. 110–156.

Литература / References

1. *Александрова-Чукова* = Александрова-Чукова Л. К. Григорий // Православная энциклопедия. Т. XII. Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. С. 592–598.

- Alexandrova-Chukova L. K. (2011). “Grigory”, in *Orthodox Encyclopedia*, v. 12. Moscow : Church and Scientific Center “Orthodox Encyclopedia” Publ., pp. 592–598 (in Russian).
2. *Карпук* = Карпук Д. А. «Учитесь, работайте, но старайтесь, чтобы проповедь была не по тетрадке». Студенты Санкт-Петербургской Духовной Академии во второй половине XIX — начале XX вв. // *Духовно-нравственное воспитание*. 2022. № 3. С. 70–80.
Karpuk D. (2022). “‘Study, work, but try not to preach according to a notebook’. Students of the St. Petersburg Theological Academy in the second half of the 19th — early 20th centuries”. *Spiritual and moral education*, iss. 3, pp. 70–80 (in Russian).
 3. *Пашков* = Пашков В. П. Проблемы учебно-воспитательного процесса в духовных семинариях и способы их решения в трудах отечественных церковных деятелей на рубеже XIX–XX вв. : Автореферат дисс. ... канд. богословия. Санкт-Петербург, 2023. 36 с.
Pashkov V. P. (2023). Problems of the educational process in theological seminaries and ways to solve them in the works of domestic church leaders at the turn of the 19th–20th centuries : Abstract of dissertation ... Cand. Sci. (Theology). Saint Petersburg (in Russian).
 4. *Профессора* = Профессора и преподаватели. 1946–1996 : Биографический справочник / Сост.: О. И. Ходаковская, А. А. Бовкало. Санкт-Петербург : Изд-во «Дивный остров», 2011. 160 с., ил.
Khodakovskaya O. I., Bovkalo A. A. (eds.) (2011). Professors and teachers. 1946–1996: Biographical reference book. St. Petersburg : “Wonderful Island” Publ. (in Russian).
 5. *Фирсов* = Фирсов С. Л. Времена и судьбы: штрихи к истории Санкт-Петербургской Духовной Академии. Санкт-Петербург : Изд-во Зимина, 2011. 112 с.: ил.
Firsov S. L. (2011). Times and destinies: touches to the history of the St. Petersburg Theological Academy. St. Petersburg : Zimin Publishing House (in Russian).
 6. *Шкаровский* = Шкаровский М. В. Санкт-Петербургские Духовные школы в XX — XXI вв. : Т. 1. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургской православной духовной академии, 2015. 560 с.: ил.
Shkarovsky M. V. (2015). St. Petersburg Theological schools in the 19–21 centuries, v. 1. St. Petersburg : St. Petersburg Orthodox Theological Academy Publ. (in Russian).

Информация об авторе

Д. А. Карпук, канд. богословия, доцент кафедры церковной истории, Санкт-Петербургская духовная академия, заведующий кафедрой церковно-исторических и общегуманитарных дисциплин, Псково-Печерская духовная семинария.

Information about the author

D. A. Karpuk, Ph. D. (Theology), Associate Professor of the Church History Department, St. Petersburg Theological Academy, Head of the Department of Church- Historical and General Humanitarian Disciplines, Pskov-Pechory Theological Seminary.

Статья поступила в редакцию 21.09.2023; одобрена после рецензирования 15.12.2023; принята к публикации 19.12.2023.